
БАЛАНС СЕМЬИ И РАБОТЫ: ПОЛИТИКА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МАТЕРЕЙ

Ж. В. Чернова

Статья посвящена анализу стратегий совмещения профессиональной занятости и материнства, для чего будет предпринята попытка концептуализации понятия баланса семьи и работы и способов его достижения. Автор выдвигает следующий тезис: в ситуации недостатка институциональных поддержек способ сочетания профессиональных, семейных и материнских обязанностей вырабатывается на уровне домохозяйства, зависит от имеющихся ресурсов и индивидуального выбора родителей. Женщины являются субъектами поиска баланса, поскольку именно на них лежит большая часть обязанностей по осуществлению заботы и ухода за ребенком. Материнство выступает несущей конструкцией, вокруг которой выстраивается жизненный проект женщины.

Ключевые слова: политика баланса семьи и занятости, семейная политика, материнство, стратегии совмещения материнства и занятости

Участие в оплачиваемой занятости и выполнение родительских обязанностей являются важными составными частями жизни взрослых членов семьи. Существенные изменения, происходящие как на рынке труда, так и в организации семейной жизни, создают контекст, в котором родителям все сложнее вырабатывать стратегии успешного совмещения обязанностей, связанных с профессиональной занятостью и необходимостью осуществлять заботу о зависимых членах семьи, в первую очередь детях. Речь идет о решении сразу двух типов задач, каждый из которых характеризуется собственной логикой, так как относится к публичной

В данной научной работе использованы результаты проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12–05–0017, а также материалы индивидуального проекта № 10–01–0038 «Молодые взрослые: в поисках баланса между семьей и карьерой», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

или приватной сфере. При этом проблема сочетания этих видов деятельности имеет гендерное измерение. Несмотря на то, что и мужчины, и женщины определенным образом сочетают профессиональные, супружеские и родительские роли, проблема поиска баланса между семьей и работой, как правило, рассматривается как женская проблема и на уровне политики, и на уровне домохозяйств. Сложившаяся гендерная асимметрия в сфере родительства означает, что для женщин нахождение компромисса между своими обязанностями как работника, так и жены и матери более актуально, чем для мужчин [Кравченко, Мотеюнайте, 2008; Радаев, Барсукова, 2000]. Именно женщинам необходимо каким-то образом вписать материнство в свою профессиональную деятельность или, напротив, сделать участие в оплачиваемой занятости удобным для выполнения родительских обязанностей.

Мужской вариант выстраивания баланса как признания важности обеих сторон жизни и их оптимального сочетания имеет скорее идеологическое оформление, отсылая к концепту «ответственного отцовства», предполагающему активное участие мужчины в практиках заботы и воспитания ребенка. Данная модель присутствует в политической риторике многих западных стран, однако лишь североевропейские государства предлагают институциональные поддержки для (вос)производства такого родительского поведения [Чернова, 2012]. В большинстве случаев для мужчин проблема совмещения профессиональных и родительских обязанностей не мыслится в терминах реального выбора между карьерой или отцовством. Гендерный контракт «сильного кормильца» по умолчанию предполагает, что приоритет будет отдан работе, а отцовству и выполнению домашних обязанностей по факту будет уделяться меньше внимания. Это связано с тем, что традиционная гендерная идеология и разделение ролей (вос)производят нормативные представления и поведенческие модели. И в тех случаях, когда модель семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой принимается обоими супругами, необходимость совершения выбора в пользу семьи или работы, а также нахождения способа совмещения этих двух сфер не возникает. Партнеры выстраивают свои отношения, исходя из представлений о том, что мужчина должен максимально инвестировать свои временные, личностные и прочие ресурсы в построение успешной карьеры, а женщина – концентрироваться на выполнении функций, связанных с организацией быта и воспитанием детей. И если между партнерами существует консенсус относительно содержания гендерных ролей и принципов разделения труда, желания и возможностей им следовать, то необходимость поиска оптимального сочетания семьи и работы ими не проблематизируется.

Между тем в семьях с двумя работающими взрослыми разделение ролей уже не может строиться в рамках бинарной оппозиции мужчина-

кормилец/женщина-домохозяйка, поскольку оба партнера включены в профессиональную занятость и не могут все свое время и силы посвящать исключительно выполнению домашней работы и заботе о детях. Модель семьи с двумя кормильцами с большей вероятностью предполагает, что у взрослых членов семьи возникнут проблемы, вызванные «двойной нагрузкой», то есть необходимостью обязательного выполнения и профессиональных, и семейных обязанностей. Именно для таких семей увеличивается потребность не только в переопределении ролей, выполняемых мужчинами и женщинами, но и в поиске новых способов, внешних поддержек со стороны государства, рынка, общественных организаций, старших членов семьи, позволяющих оптимально совмещать оплачиваемую и неоплачиваемую занятость. При этом родительство может рассматриваться как катализатор традиционализма в гендерных отношениях супругов. Если до рождения ребенка у многих пар не было четкого разделения работы по дому, которая могла выполняться ситуативно, исходя из желания и возможностей партнеров, то молодые родители, как правило, соглашаются с конвенционально принятыми представлениями о том, что именно мать должна больше времени уделять заботе о ребенке. Таким образом, проблема поиска баланса между семьей и работой – это проблема семей с двумя работающими взрослыми, которые вынуждены совмещать и/или стремятся к самореализации в обеих сферах жизни.

Кто в большей степени заинтересован в поиске способов сочетания и наличии различных форм поддержки, обеспечивающих совмещение этих двух видов занятости? Несмотря на то, что участие в оплачиваемой занятости и выполнение родительских ролей значимо для обоих партнеров, именно женщины в семьях с обоими работающими родителями сталкиваются с проблемой баланса и вынуждены постоянно искать способы совмещения работы и материнства. Это позволяет выдвинуть тезис о том, что поиск баланса практически всегда осуществляется женщинами и за их счет, при этом модель семьи с «сильным кормильцем» конвенционально поддерживается как мужчинами, так и женщинами в качестве нормативного образца.

Гендерный консенсус заключается в представлении о том, что главная обязанность мужчины в семье – обеспечение экономического благосостояния, и все остальные нагрузки в сфере семьи должны быть минимизированы для того, чтобы он наиболее эффективно справлялся с выполнением данной функции. При этом феминность конституируется в первую очередь через материнство, которое выступает несущей конструкцией женской нормативной гендерной роли. Таким образом, именно женщины становятся тем субъектом поиска баланса между семьей и работой, который вырабатывает конкретные стратегии по согласованию разных обязанностей и осуществляет идеологическую работу по приведению соб-

ственной жизненной ситуации в соответствие с дискурсивно заданными образцами как в сфере семьи, так и в сфере занятости.

Хотя вопросы, связанные с балансом семьи и работы, имеют очевидно гендерное измерение, они не рассматриваются как источник гендерного неравенства, но определяются, скорее, как трудности, с которыми сталкиваются преимущественно «работающие матери». А. Хошильд называет эту ситуацию «блокированной гендерной революцией», для которой характерно расширение репертуара возможных ролей и жизненных выборов женщин, в то время как маскулинность остается практически без изменений [Hochschild, 2003]. Политика в отношении баланса семьи и работы может рассматриваться как система представлений, правил и действий, направленных на преодоление барьеров, с которыми сталкиваются мужчина и женщина при совмещении профессиональных, семейных и родительских обязанностей. Решение проблемы баланса возможно как минимум на трех уровнях: государственной политики в отношении семьи и занятости; рабочего места, то есть предприятий, реализующих ту или иную корпоративную политику, адресованную сотрудникам с семейными обязанностями; домохозяйств, вырабатывающих собственные стратегии решения конкретных проблем, связанных с совмещением семьи и работы. В каждом случае можно выделить нормативные представления о том, каким образом должны сочетаться профессиональная занятость и материнство, и правила, касающиеся того, как этого можно достичь. В нашей работе мы сосредоточимся на анализе политики в отношении баланса семьи и работы, а также на изучении индивидуальных стратегий совмещения на уровне домохозяйств¹. Исследование проводилось в Санкт-Петербурге в 2011–2012 годах. Было проведено 30 полуструктурированных интервью (по 15 с мужчинами и женщинами) с представителями городского образованного среднего класса в возрасте от 25 до 35 лет, состоящими в официальном браке и проживающими в партнерском союзе, имеющими детей (8 пар) и бездетными (7 пар).

Политика баланса семьи – работы: историко-сравнительная перспектива

Под политикой баланса понимаются институционально оформленные поддержки, позволяющие работающим взрослым оптимально совмещать профессиональные, семейные и родительские обязанности [Lewis, 2009; Рождественская, 2011]. Поиск и установление баланса предполагает участие целого ряда акторов (государство, рынок, семья, гражданское общество) и использование различных инструментов политики (выплаты

¹ Корпоративная социальная политика в отношении работников с семейными обязанностями является отдельной областью изучения, не входящей в фокус рассмотрения данной работы.

и сервисы). Цель такой политики – создать для работающих взрослых максимально благоприятную ситуацию сочетания и примирения между собой важных сторон жизни. Баланс семьи и работы мыслится как нахождение компромисса между профессиональными и личными интересами взрослых членов семьи и детей, достижение благополучия всех членов семьи в широком смысле слова.

По мнению ряда исследователей, концепция баланса семьи и работы, используемая в политических документах и программах, должна быть подвергнута критическому пересмотру с точки зрения гендерной перспективы. Во-первых, это связано с тем, что исследования занятости и организации рабочего места на уровне конкретных предприятий давно уже используют термин баланс «работы – жизни». Он понимается как гендерно-нейтральный и применяется ко всем работникам с семейными обязанностями. Использование данного концепта в политических документах не предполагает решение гендерных вопросов соотношения оплачиваемой/неоплачиваемой занятости, напротив, он направлен на то, чтобы минимизировать гендерные различия работников, сводя их потребности к «стандартному набору» потребностей в рабочем месте, предоставлению отпусков, связанных с рождением и уходом за ребенком. Во-вторых, ставится под сомнение сама идея баланса, предполагающая компромисс, при котором необходимо идти на уступки, жертвуя интересами и желаниями [Gambles, Lewis, Rapoport, 2006]. При таком понимании баланса семьи и работы очевидно, что совмещение обеих сфер жизни возможно при снижении притязаний в одной из них. Стратегии редуцирования, по мнению А. Хошильд, характерны для женщин, которые стремятся совместить оплачиваемую работу и материнство, минимизируя профессиональную активность и/или выполнение домашней работы; сокращая усилия, связанные с осуществлением ухода и заботы о детях; отказываясь от личных удовольствий и времени, потраченного на себя [Hochschild, 2003. P. 201–207]. Для того чтобы преодолеть асимметрию, заложенную в концепции баланса, одни исследователи предлагают говорить о «гармонизации» оплачиваемой работы с другими сферами жизни [Gambles, Lewis, Rapoport, 2006], а другие – использовать понятие «артикуляции» работы и жизни как более нейтральное и подходящее для согласования [Crompton, Brockman, 2006]. Тем не менее в отношении вопросов оплачиваемой и неоплачиваемой работы родители, так же как и политики, регулярно говорят о вопросах занятости и заботы о детях в терминах «жонглирования» и «балансирования».

Можно согласиться с теми исследователями, которые говорят о том, что концепция баланса работы и семьи является более чувствительной к вопросам гендерного неравенства по сравнению с другими определениями, например баланса работы и жизни. Во-первых, потому что понятие

жизни, которое слишком общо и включает, например, отдых и свободное время, которые, как правило, не рассматриваются в качестве сферы государственного вмешательства и регулирования. Во-вторых, с точки зрения гендерной перспективы именно концепт баланса семьи и работы включает в себя вопросы, связанные с организацией заботы о детях [Lewis, 2009. P. 15]. На уровне Европейского союза еще в начале 1990-х годов были изданы рекомендации по поддержке и развитию программ, позволяющих мужчинам и женщинам совмещать их профессиональные, семейные и родительские обязанности [Lewis, 2009. P. 12]. В этих документах забота о детях определялась достаточно широко и были предложены меры поддержки в четырех областях: сервисы по уходу за детьми; отпуска для работающих родителей; политика, дружественная семье на рабочем месте, и продвижение модели «ответственного отцовства», то есть увеличение участия мужчин в заботе и уходе за детьми.

Существуют особенности гендерного контракта «работающая мать», а также модели семьи с «двумя работающими родителями» на Западе и в России. Для западных стран переход от гендерного контракта «домохозяйки» к контракту «гендерного равенства» (в терминологии Х. Хирдман) произошел под влиянием экономических и политических изменений и новых требований, выдвинутых в том числе и под влиянием второй волны феминизма. Массовое участие женщин в оплачиваемой занятости рассматривалось в терминах эмансипации, позволяющей им формировать домохозяйство, независимое от мужчины-кормильца.

Выбор в пользу материнства и/или занятости, а также способ сочетания профессиональных и родительских обязанностей в значительной степени определяется моделью семейной политики, проводимой тем или иным государством [Чернова, 2008]. Рост внимания к проблеме баланса между семьей и работой в политической повестке западноевропейских государств всеобщего благосостояния был обусловлен социально-экономическими вызовами, с которыми они столкнулись в начале 2000-х годов. В первую очередь к ним относятся: старение населения, снижение уровня рождаемости, а также нехватка трудовых ресурсов и снижение национальной конкурентоспособности в будущем. В определении данной политики преобладающую роль играет экономический мотив, который требует увеличить количество женщин в оплачиваемой занятости за счет снижения их домашней нагрузки. Для этого государственная политика ориентирована на развитие доступности образовательных сервисов для детей и на повышение их качества; на совершенствование как материнских, так и отцовских отпусков (условий их предоставления, уровня оплаты); а также на формирование рабочего места, «дружественного семье» (гибкий рабочий график, дистанционная занятость и прочее). При этом политика баланса семьи и работы на уровне государства и конкретного работодателя может отличаться по своему дизайну и предоставляемым формам поддержки.

Здесь важно подчеркнуть то, что в западных странах данная проблема совмещения двух типов нагрузки не просто декларируется как заслуживающая внимания со стороны правительства и других акторов семейной политики. Там разрабатываются институциональные механизмы, позволяющие оптимизировать сочетание этих обязанностей. Гендерная критика заключается в том, что проблема баланса декларируется как женская, в то время как для мужчин она по-прежнему носит скорее гипотетический характер. Так происходит потому, что большая часть инструментов такой политики адресована женщинам и затрагивает в первую очередь их интересы как на рынке труда, так и в сфере родительства [Lewis, 2009].

Советская политика в отношении семьи и занятости женщин обладала рядом особенностей: гендерный контракт «работающей матери» был результатом не индивидуального выбора женщины, а государственной гегемонии в сфере гендерных отношений [Темкина, Роткирх, 2002; Pascall, Manning, 2000. P. 244]. На идеологическом и институциональном уровне баланс определялся как комбинирование оплачиваемой занятости и материнства посредством развития государственной инфраструктуры заботы о детях. На уровне домохозяйств сочетание достигалось за счет «расширенного материнства» – помощи старших родственников, особенно бабушек, фактически бравших на себя все обязанности, связанные с заботой о детях и ведением домашнего хозяйства [Семенова, 1996]. Это вело к тому, что женщины испытывали двойную и даже тройную нагрузку, и «бытовое неравенство» было характерно для большинства советских семей [Гордон, Клопов, 1972]. При этом вопрос о необходимости большего участия мужчин в домашней работе и воспитании детей обсуждался эпизодически и никогда не рассматривался как важный пункт гендерной повестки советского государства. В итоге «двойная нагрузка», трудности совмещения работы и материнства определялись исключительно как проблема, ответственность за которую разделялась между женщинами и государством.

В отличие от советской и западной семейной политики в современной России проблема совмещения работающими взрослыми родительских и профессиональных обязанностей находится на периферии внимания государства¹. Пронаталистский вариант проводимой семейной политики направлен преимущественно на решение демографических проблем. В рамках такого видения содержания и целей государственной политики в отношении семьи профессиональная занятость матерей, скорее, выступает препятствием к достижению желаемых коэффициентов рождаемости. Консервативная идеология, апеллирующая к традиционным семейным ценностям и гендерным ролям, фактически ставит знак

¹ Только в 2012 году эта проблема была эксплицитно упомянута применительно к женщинам в одной из предвыборных статей Президента РФ [Путин, 2012].

равенства между нормативной женственностью и материнством, негативно оценивая жизненный сценарий карьерно-ориентированных женщин¹. Современная российская семейная политика выстраивается на представлениях о негативном влиянии участия женщин в оплачиваемой занятости на уровень рождаемости. Между тем западные исследователи показали, что «дружественная женщинам» социальная политика, позволяющая им сочетать карьеру и материнство, является необходимым условием высокого уровня рождаемости [McDonald, 2008].

Советское государство декларировало свою готовность оказать необходимую помощь работающим женщинам, создавало условия для сочетания материнства и профессиональной деятельности. Другим вопросом является то, как на практике достигалось и осуществлялось это совмещение ролей, и к чему это привело – к закреплению двойной нагрузки женщин, формированию гендерной асимметрии как в публичной, так и в приватной сферах. В современной же политической повестке дня проблематика баланса иногда обсуждается, однако для совмещения профессиональных и семейных обязанностей женщинами и мужчинами существует недостаточно институциональных механизмов. В нынешней ситуации можно говорить о том, что выбор в пользу материнства и/или карьеры осуществляется на уровне конкретных домохозяйств и зависит от социально-экономического статуса семьи и гендерной стратегии, которую выстраивают женщины в приватной сфере². По-прежнему вопрос о переопределении гендерных ролей, преодолении различных видов дискриминации как мужчин, так и женщин в профессиональной и семейной сферах находится на периферии государственной политики. В то же время вопрос о гендерном неравенстве в домашней сфере, в том числе и в родительстве, напрямую связан с проблемой дискриминации женщин в целом, поскольку необходимость выполнения домашней работы накладывает существенные ограничения на возможности их профессиональной реализации, снижает их конкурентоспособность на рынке труда, закрепляет более низкий экономический статус по сравнению с мужчинами, делая их «объектами» заботы и поддержки со стороны государства.

Таким образом, западные государства в последнее время уделяют большое внимание разработке институциональных механизмов, позволяющих оптимально совмещать женщинам профессиональную занятость

¹ Так, на встрече 4 марта 2011 года с женщинами-предпринимателями премьер-министр В.В. Путин призвал их не забывать «об обязательствах, связанных с решением демографических проблем» // Вести.ру. 4.03.2012 // <http://news.mail.ru/politics/5452866/?frommail=>

² Под гендерной стратегией понимается «план действий, в ходе которого индивид пытается решить повседневные проблемы, учитывая при этом культурные представления о гендере» [Hochschild, Machung, 2003. P. 15].

и материнство. Индивидуальный выбор женщины осуществляется в ситуации наличия риторики равных возможностей в профессиональной и семейной сферах и инструментов политики, создающих условия для их реализации. В современной российской ситуации то, каким образом женщина будет комбинировать профессиональные и родительские обязанности, является результатом индивидуального выбора, в котором она ориентируется на имеющиеся (у нее и у семьи) ресурсы и нормативные гендерные образцы. В этом случае баланс между семьей и работой, представляющий собой компромисс между благополучием взрослых членов семьи и детей, возможен в том случае, если хотя бы один из родителей готов поступиться своими интересами в какой-то сфере. Он может быть достигнут путем редуцирования взрослыми членами семьи своих обязанностей, потребностей и стремлений. Баланс в понимании компромисса представляет собой результат договоренностей между супругами и другими родственниками о том, как будет сочетаться оплачиваемая работа с обязанностями родительства и как будут распределены обязанности по организации заботы о детях (и других нетрудоспособных членах семьи). Данные договоренности составляют часть гендерной стратегии индивидов, которая может (пере)определяться в зависимости от возраста ребенка; количества детей; конкретной жизненной ситуации, в которой находятся члены семьи, например болезнь ребенка или взрослого, школьные каникулы, потеря работы одним из родителей и так далее. Как отмечают исследователи [см. Larsen, 2004. P. 657; Hochschild, 2003; Wierda-Boer, Gerris, Vermulst, Malinen, Andersen, 2009], на формирование способов сочетания семьи и работы, а также гендерной стратегии влияют следующие факторы: семейная политика, особенно в отношении организации социальной заботы о детях; гендерная идеология и «идеал заботы», характерные для данного общества; индивидуальные аттитуды к оплачиваемой занятости и заботы; уровень образования, доход и график работы родителей, возраст детей.

Каким образом достигается баланс между работой и материнством?

На уровне домохозяйства согласование личных и профессиональных интересов, интересов семьи и ребенка сопряжено со стрессами и напряжениями у обоих родителей. Однако обычно именно матери являются теми, кто испытывает «двойную нагрузку», несет основные издержки, связанные с нехваткой времени и сил как на семью, так и на себя [Hochschild, 2003; Repo, 2004]. И именно они выступают субъектами поиска баланса между семьей и работой, решая множество конкретных вопросов, связанных с организацией заботы о детях, согласованием своих профессиональных и материнских обязанностей, координацией участия других акторов в жизни семьи. Это требует

от женщин не только применения практических управленческих навыков, но и осуществления идеологической работы по выстраиванию собственной жизни как целостного проекта, объяснению и наделению смыслом своей актуальной позиции, для чего они используют более широкие системы смыслов, например дискурс о материнстве [Repo, 2004. P. 624]. Таким образом, способ совмещения различных видов деятельности выступает частью индивидуальной гендерной стратегии и выстраивается на основе установок в отношении работы и семьи и легитимируется посредством идеологической работы, связанной с выработкой объяснительной модели сделанного выбора.

Стратегия по установлению баланса предполагает управление индивидом своими действиями и стремлениями в двух сферах: профессиональной и частной. Она может заключаться в оптимизации затрат, например времени, и рационализации действий в той или другой области. Одним из способов достижения баланса является сокращение усилий, связанных с выполнением домашней работы за счет механизации быта: *«Посуду моет посудомойка, одежду стирает стиральная машина»* (Марика, 30 лет, замужем, двое детей). Другим способом является аутсорсинг этих работ, использование наемного труда домработницы, позволяющего женщине освободиться от рутинной деятельности.

А. Хошильд отметила, что снижение стандартов предоставляемой заботы может также выступать одним из способов достижения баланса работающими матерями. Такой вариант имеет высокие, в первую очередь эмоциональные издержки и требует больших усилий со стороны женщины по управлению чувством вины, которое они испытывают из-за того, что не должным образом заботятся о своих детях. В этом случае работающие мамы рационализируют свой выбор модели «холодной» заботы, обосновывая ее целесообразность минимальными потребностями «суперребенка» в уходе и внимании со стороны взрослых. Иными словами, снижение стандарта заботы объясняется в терминах интересов ребенка, который представляется родителями как самодостаточный и независимый индивид [Hochschild, 2003. P. 206]. В собранных в ходе исследования интервью примеров такой стратегии не было обнаружено. Напротив, женщины подчеркивали детоцентристскую ориентацию при выстраивании не только своей профессиональной карьеры, но и отношений с супругом после рождения ребенка. Благополучие ребенка, понимаемое не только как поддержание физического здоровья, но и как удовлетворение потребностей в эмоциональном, когнитивном развитии, рассматривается матерями как приоритетное.

Одна из респонденток следующим образом объясняет необходимость посещения сыном частного детского сада в ситуации, когда их семья переживала «режим жесткой экономии»: *«Мы платили для себя достаточно большие деньги в период откладывания денег на квартиру. Это было непросто, но садик был исключительный»* (Нора, 36 лет, замужем,

двое детей). Женщины – представительницы городского среднего класса – не только не допускают для себя мысли о снижении стандартов заботы в отношении детей, но и отрицательно относятся к идее «суррогатного материнства» (в терминах М. Кремер [Cremer, 2006]), то есть использованию труда няни:

Я не рассматриваю этот вариант, потому что оставлять чужого человека со своим ребенком я не очень хочу, все моменты в жизни ребенка... хочется самой все это увидеть (Анна, 32 года, замужем, двое детей).

В тех случаях, когда женщины стремятся соответствовать ролевым ожиданиям «хорошей матери», но при этом не готовы или не могут полностью отказаться от работы, совмещение этих обязанностей достигается за счет сокращения времени, потраченного на себя (отдых, общение с друзьями, развлечения, хобби). Поиск баланса – это прежде всего планирование времени, оптимальное распределение нагрузки и использование имеющихся ресурсов, которое совершают женщины для того, чтобы выполнять служебные обязанности и быть «хорошей матерью». Социальные ожидания и стремление соответствовать требованиям этих двух ролей практически не предполагают свободного времени, которое женщина могла бы потратить для себя:

Потом <...> появился Тарас, и жизнь резко изменилась. Потому что стало понятно, что времени нету больше куда-то ходить, даже книжку почитать... С одной стороны, – у меня как бы все время свободное, я всегда сама решаю, что мне делать, никому ничего не должна. Но, с другой стороны, личного времени у меня стало, конечно, значительно меньше, чем было, вот именно личного (Люда, 32 года, замужем, один ребенок).

Детоцентристский принцип построения семейных отношений также часто выражается в редуцировании сферы общения между супругами, когда уменьшаются продолжительность и интенсивность коммуникации. Поиск компромисса в этом случае предполагает, что супруги готовы, в отличие от снижения стандарта заботы о детях, принять изменения в отношениях:

Нам не хватает времени друг на друга, нам хочется все время быть вдвоем. Но мы как бы знали, знали, что если мы рожаем второго ребенка, то неизбежно мы чем-то жертвуем (Нора, 36 лет, замужем, двое детей).

Другим распространенным способом решения противоречий между работой и материнством является снижение профессиональных амбиций женщин. Лейтмотивом во всех интервью проходит идея о том, что работа должна быть «удобной» для семьи, не мешать материнству. Женщины целенаправленно не стремятся к карьерному росту, как отметила одна из респонденток:

Я к этому <продвижению по службе> относилась всегда очень вяло, потому что я не знала, как я смогу совмещать с тем, что мне надо быть мамой. Я же не могу потерять все, перестать быть мамой (Нора, 36 лет, замужем, двое детей).

Они отказываются от позиций, связанных с командировками, и практически никогда не рассматривают вариант переезда в другой город или другую страну из-за собственной профессиональной мобильности. При этом они выражают согласие и готовность сменить место жительства в связи с карьерными изменениями мужа. Данный выбор часто объясняется не отсутствием стремления к повышению профессиональных навыков или социального статуса, а интересами семьи и прежде всего ребенка, благополучие которых требует от женщин поступиться своими притязаниями в профессии.

Еще одним вариантом подчинения профессиональных интересов материнским и семейным обязанностям выступает поиск так называемой «удобной» работы. Удобство в данном случае понимается как возможность вписать профессиональную занятость в материнство. При поиске такой работы для женщин становится более важным, сможет ли она брать отпуск летом; рассчитывать на гибкий график работы, позволяющий подстраивать рабочий день под расписание детей; месторасположение работы (близость к дому, детскому саду, школе ребенка); хороший психологический климат, а также «добрый начальник», идущий навстречу потребностям работающей матери. А возможность повышения квалификации, по данным исследования, проведенного И. Козиной, является наименее востребованной характеристикой «удобной» работы [Козина, 2010]. Такая стратегия подчинения профессиональной занятости материнству не является новой для российских женщин, она была достаточно широко распространена в позднесоветском обществе. Выбор удобной с точки зрения выполнения материнских обязанностей работы означает, что женщины предпочитают традиционный тип занятости: бессрочный или долгосрочный найм, полный рабочий день в государственном секторе. Несмотря на то, что работа в бюджетной сфере означает низкий уровень оплаты труда, она по-прежнему является привлекательной для работающих матерей главным образом из-за возможности совмещения работы и материнства.

Таким образом, специфика российской семейной политики, ориентированной преимущественно на материальные поддержки рождаемости, по сути, ставит женщин в ситуацию жесткого выбора между работой и материнством. Проблема совмещения профессиональных и родительских обязанностей не является приоритетным направлением политики государства в отношении семьи и занятости, что влечет за собой практически полное отсутствие институциональных форм поддержки работающих родителей. Дефицит инструментов политики приводит к тому, что

поиск баланса осуществляется преимущественно на уровне домохозяйства, и основным агентом, заинтересованным в нахождении компромисса между собственными интересами и интересами других членов семьи, являются женщины. Работающие матери не готовы снижать качество заботы о детях, но при этом готовы поступиться своими профессиональными интересами, вписать работу в график материнства, а также пожертвовать временем, потраченным на себя, и качеством межличностных отношений с партнером.

Список источников

Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М.: Наука, 1972.

Козина И. Работающие матери: условия занятости и социальная поддержка // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: материалы конф. / отв. ред. Г. В. Михалева. М.: РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010. С. 19–28.

Кравченко Ж., Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследования социальной политики. 2008. № 2. С. 177–200.

Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13.02.2012 // <http://premier.gov.ru/events/news/18071/>

Радаев В., Барсукова С. Легенда о гендере. Принципы разделения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4. С. 65–102.

Рождественская Е. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследования социальной политики. 2011. № 4. С. 439–454.

Семенова В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 326–354.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // СОЦИС. 2002. № 11. С. 4–15.

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Изд-во «Норма», 2008.

Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 1 (60). С. 103–122.

Crompton R., Brockman M. Class, Gender and Work-Life Articulation // Gender Divisions and Working Time in the New Economy / ed. by D. Perrons, C. Fagan, L. McDowell, K. Ray, K. Ward. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006. P. 103–122.

Hochschild A. R. The Second Shift. New York: Penguin Books, 2003.

Gambles R., Lewis S., Rapoport, R. The Myth of Work-Life Balance: The Challenge of our Time for Men, Women and Societies. Chichester: John Wiley, 2006.

Kremer M. The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2006. Vol. 13. № 2. P. 261–285.

Larsen T. Work and Care Strategies of European Families: Similarities or National Differences? // *Social Policy an Administration*. 2004. Vol. 38. № 6. P. 654–677.

Lewis J. Work-Family Balance, Gender and Policy. Edward Elgar Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2009.

McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *The Welfare State Reader*. Second Edition / ed. by Ch. Pierson and F. Castles. Polity Press, 2008.

Pascall G., Manning N. Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // *Journal of European Social Policy*. 2000. Vol. 10. № 3. P. 240–266.

Repo K. Combining Work and Family in Two Welfare State Contexts: A Discourse Analytical Perspective // *Social Policy and Administration*. 2004. Vol. 38. № 6. P. 622–639.

Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. № 1. P. 1–59.

Wierda-Boer H., Gerris J., Vermulst Ad., Malinen K., Andersen K. Combination strategies and work-family interference among dual-earner couples in Finland, Germany, and the Netherlands // *Community, Work and Family*. 2009. Vol. 12. № 2. P. 233–249.

Чернова Жанна Владимировна

кандидат социологических наук, доцент факультета социологии
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник ЦМИ
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

электронная почта: chernova30@mail.ru
